

«Опасности меня нисколько не пугают»

Из писем к близким

Вигим¹ (писано на борте). 23 мая 1851 г.

...Стало очень холодно. Я почти не покидаю каюты, которую мы согреваем, зажигая спирт. Это средство очень укрепляющее для бедных путешественников, постоянно страдающих от сырости. Лена действительно великолепно: природа, нас окружающая, дика и грандиозна вне всякого описания... Повсюду высокие лесистые горы, крутые утесы. Время от времени мы плывем мимо прелестных островов, настоящих рощей среди реки. Но общий вид печален, почти мертвенный, хотя всегда грандиозный и чудный. Вчера особенно я была поражена выдающейся красотой пейзажа.

Мне казалось, что наше судно, быстро скользя по прозрачной воде, готово разбиться об ужасные скалы, выходящие из воды или покрывающие песчаный берег направо, тогда как гигантский утес или, скорее, стена возвышалась налево. Он был красный, вообразите себе, красный, как кирпич, а самую верхушку его венчал зеленый куст ветвистых деревьев; эти деревья, как бы посаженные рукою человека, прибавляли свежесть и живучесть к его захватывающему и живописному виду. Этот пейзаж, полный дикого и мрачного величия, угнетающего душу, заставил меня думать о Боге, о вечности, о высшей премудрости Создателя, и долго я оставалась неподвижной перед этой чудной и великолепной картиной...

На борте. 28 мая

Мы провели очень скверную ночь, мои хорошие друзья. Проливной дождик продолжался до утра. Сейчас погода разъяснилась, и мой муж лег отдохнуть от усталости. Что до меня касается, я хотела то же сделать, но не смогла сомкнуть глаза. Мои мысли и сердце летели к вам...

Я теперь гораздо менее печальна... Ваша Катя счастлива и привязывается больше и больше к благородному другу, ее избравшему. Клянусь вам, что опасности такого необыкновенного путешествия меня нисколько не пугают. Если разлука наша еще заставляет меня много страдать, то мой муж всегда находит средство успокоить и расшеять меня. Он, такой благородный, такой совершенный, такой мужественный, имеет во мне самое нежное попечение, питая вместе с тем глубокую ко мне привязанность. Ему всегда удается восстановить в моем уме и душе спокойствие, и я становлюсь снова резва и весела, заставляя громко хохотать этого серьезного г-на Невельского над тысячью шалостей, приходящих мне в голову. На коленях благодарю Господа Бога, давшего мне покровителем этого чудного человека, нежность которого ко мне составляет мою гордость и будет самою твердою поддержкой в тех испытаниях, которые, может быть, для меня наступят...

Вот уже две недели как мы плывем. Вчера ветер дул с такою силою, что я на волнующейся и грозной Лене чувствовала себя очень нехорошо. Выйдя из терпения, я попросила моего мужа позволить сойти на землю, чтобы немного походить. Он захотел мне сопутствовать, и мы прошли остающиеся до станции пять верст пешком...

Якутск. 31 мая 1851 г.

...Мы теперь очень заняты приготовлением к долгому и опасному пути, предстоящему нам к Аяну. Тысяча верст на лошади по этой легендарной Охотской дороге, о которой со всех сторон мы слышали ужасные рассказы.

Г-н Корсаков², узнав о женитьбе моего мужа и о моем намерении сопровождать его в Петровск, проездом через Якутск заказал для меня особенного рода практичный гамак. Эти гамаки, употребляемые в этих ужасных путешествиях здешними женщинами, весьма роятся от тех, которые известны в Европе. Их делают из грубого полотна и прикрепляют с обеих сторон к деревянным подпоркам, которые кладут на спины двух лошадей; этот род люльки с матрасом в ней, оставаясь подвешанным между ними, представляет собой очень удобную постель. Мой муж купил мне прекрасное меховое одея-

ло для защиты ног. Таким образом, растянувшись в моем гамаке, я не буду зябнуть, и можно будет во время моего нескончаемого путешествия не только спать, но и читать...

1 июня

...Все готово, и мы отправляемся завтра утром. Сверх особенно для меня приготовленного седла мой муж купил еще мужское седло. Я выхожу из себя, и что бы там ни говорили, никогда его не употреблю. Вы знаете, я привыкла ездить на лошади и очень тверда в седле, потому надеюсь устроиться, не прибегая к этой неприятной крайности. Я примерила свой мужской костюм, который ко мне очень идет, прошу этому верить. Зато моя Дуняша в своем мужском платье представляет из себя очень печальную фигуру. Вчера я хохотала, как сумасшедшая, увидя ее в этом одеянии. Впрочем, зная ее, вы можете легко представить себе кавалером эту толстушку с ее короткой талией и совсем круглым лицом...

Станция Алатырь, 180 верст от Якутска³. 6 июня 1851 г.

...Я часто лежу, растянувшись в моем гамаке, и больше из желания, чем по необходимости, делаю утром и вечером по пятнадцати верст на лошади. В это время мой муж помещается в моей люльке и сейчас же засыпает. Если бы была возможность сделать так всю тысячу верст, путешествие это показалось бы мне даже приятным... Погода большею частью стоит хорошая, и мой непромокаемый плащ достаточен для меня во время дождя. Я ужасно скверно пишу, но если бы видели, на чем! Это посредине грязной юрты, почти темной, на трясущемся и ломаном столе. Кругом меня одни якуты... Женщины смотрят с удивлением... Есть между ними очень выразительные физиономии и даже красивые... Все уже в седлах, и меня ждут, мои добрые друзья. Прощайте. Мой муж выходит из терпения, надо ехать! Тысячу ласк! Молитесь за меня. Катрин.

Станция Алах-Юн

Мы сделали половину нашего пути. Все идет хорошо, слава Богу, несмотря на все ужасы этой страшной дороги... Никогда я не могла вообразить о существовании подобных дорог. То эти болота, в которые погружаешься, девственные леса, где подвигаешься с трудом, то крутые скалы, через которые, несмотря на головокружение, надо переправляться, или страшные реки, которые переезжают бродом или вплавь... Я делаю на лошади по тридцати верст в день, и еще ни разу не прибегала к мужскому седлу. Мой муж также убедился, что для такого необыкновенного путешествия, когда испытываешь такую ужасную усталость, дамское седло гораздо приятнее. Он начинает предпочитать его своему и время от времени им пользуется... Может быть, это несколько смешно, но для нас, вы понимаете, это безразлично. Здесь, в этих архидиких странах, потеряли все кокетничание, и обычаи цивилизованного мира совсем не в употреблении, особенно после двухнедельной езды верхом по адским дорогам...

Ах! через что мы проезжаем! Несмотря на добрую волю, мне случается иногда роптать и ослабевать. Особенно один раз: мы должны были переправляться вплавь через очень глубокие и очень быстрые реки; разразилась страшная гроза, молния ослепляла нас; удары грома, повторяемые всеми эхами громадных гор Яблоновой цепи, которые мы тогда проезжали, заставляли наших лошадей дрожать и подниматься на дыбы. Проливной дождик затоплял нас. Она текла, беспрерывно текла, эта ледяная вода, обливая мои руки, ноги, лицо. Путь, по которому мы следовали, был опаснее, чем когда-либо. Мы проезжали то по плоским возвышенностям и ледникам, где погружались в снег, то карабкались на верхушки гор, пробираясь по их бесплодной стороне по узкой и размытой дороге, загроможденной огромными кучами камней. Испуганная, иззябшая, я дожидалась с горьким нетерпением минуты, когда нам можно будет остановиться. К несчастью, прошло еще много времени, прежде чем было открыто надежное убежище. Нашли, наконец, углубление под сводом, образовавшееся от отвесных скал. Тут сейчас разбили наскоро палатку, и это печальное убежище, когда перед ярким огнем я обогревалась и обсушивала платье, показалось мне раем.

С каким наслаждением после этих часов ужаса и усталости я растянулась на своей походной кровати! Утром я встала спокойная и веселая; вчерашний ужасный день был не что иное, как сон. Солнце ярко блистало, освещая великолепный пейзаж, и своим радостным блеском уничтожило все плачевные впечатления вчерашнего дня. И так-то мыдвигаемся, мои добрые друзья. Катя.

Охотск. 28 июня 1851 г.

Если бы вы знали, как я счастлива, приехав, наконец, в Охотск. Несмотря на все предосторожности и старания смягчить трудности этого ужасного путешествия, я очень пострадала, и последствия были самые прискорбные. Увы! после последних известий,

посланных вам из Алах-Юн, я была очень больна, страдая ужасно и не понимая, что со мной.

Путешествие стало пыткой; случалось, что я садилась на край дороги, не имея мужества ни влезть на лошадь, ни растянуться в моем гамаке. Я заметно ослабевала. Мы подвигались шагом и так дотащились, не доезжая 10 верст до Охотска, где я упала на сырую траву, чувствуя, что у меня захватило дыхание, и катаясь по ней от невыносимых страданий, которые невозможно описать.

Наконец придумали сделать из моего гамака носилки, куда меня и положили; тихонько 6 человек со всевозможными предосторожностями подняли меня, и, таким образом, предшествуемые двумя казаками, чтобы предупредить доктора, мы ночью достигли Охотска. Наш печальный кортеж взошел в уснувший город и остановился перед приготовленным для нас домом, и меня внесли туда умирающей.

О, как я рыдала, как я проклинала эту ужасную дорогу, которой опасности, ужасы и страшные утомления лишили меня самой сладкой надежды! Моя добрая тетушка, вы, которая имеете материнское сердце, не правда ли, вы поймете мою великую горечь? Ах! надо было всю любовь и все трогательные заботы моего мужа, чтобы заставить меня покориться этому несчастью. Я еще очень слаба и больше не могу писать. Прощайте! Я должна снова лечь. Катя.

Охотск

...Никто не ошибся в Невельском, мои добрые друзья. Это человек большого ума, благородного характера и непоколебимой воли. Я горжусь его именем. Если б вы видели его отчаяние во время моей болезни! Он не мог себе простить, что не оставил меня на ваши нежные попечения и позволил мне сопровождать его в Петровск. Этот человек, такой энергичный и мужественный, плакал, как ребенок, при виде моих страданий. Я заставила его молчать и не говорить вздор. Как! Я отпустила бы его одного, пренебрегая в начале моего замужества своими обязанностями и совершая такой низкий и недостойный поступок! О, друзья мои, могла ли бы я, не краснея от стыда, отправить такого благородного и великого человека, предоставив его одного опасностям и испытаниям его миссии, а самой в то время, как он будет их переносить, сидеть спокойного у домашнего очага... Я уверена, что через это ужасное путешествие и в продолжение тех мрачных годов, горечь которых вместе с ним разделим, я докажу ему, как я благоговею перед ним, как понимаю его, решаюсь терпеть с ним, поддерживать и утешать его всегда, становясь через это дороже и драгоценнее для него.

Еще несколько слов, мои дорогие друзья. Мы сядем на судно «Байкал». Не правда ли, странно, что первый корабль, увиденный мною, именно тот, которым командовал мой муж во время его знаменитых открытий?.. Благодаря моей молодости, но еще более, как говорит доктор, моему особенно здоровому сложению, случай со мною не имел дурных последствий, и здоровье мое совершенно поправилось. В Охотске я сделала несколько покупок, между прочим, прелестную мебель для небольшой гостиной... Я ее купила за очень скромную цену в сравнении со страшной дороговизной этого захолустного края. К несчастью, нам было невозможно достать рояль. Те, которые в Охотске существуют, не продаются, и случаи купить его очень редки. Рояль был бы большим наслаждением в нашем ледяном уединении. Я думаю, что здесь задались мыслию совсем нас ограбить, пользуясь нашим неведением охотских цен. Так, например, нас заставляют платить по пятнадцати копеек за свежее яйцо!! Не правда ли, ужасно?..

Петровск, 24 июля 1851 г.

...Мой муж хотел оставить меня в Аяне. Но это было бы невозможно, мои друзья, не правда ли? Я была бы самая низкая женщина, оставшись спокойно в безопасности, когда мой муж, сражаясь за честь свою и родины, рисковал бы своею жизнью⁴. Борьба между нами длилась часами, но я вышла победительницей, следуя за ним до конца...

14 июля вечером «Байкал» и «Шелехов» подняли якорь и поставили паруса по попутному ветру. Мы шли быстро, земля скоро исчезла из виду, и море окружило нас со всех сторон. Мы были на борте «Шелехова», так как его каюты больше и удобнее «Байкала». Ужасная морская болезнь, как обыкновенно, приняла меня, едва мы взошли на судно.

18-го ветер был не так силен, но зато густой туман со всех сторон окружал нас... Мой муж был некоторое время на палубе, и вдруг я услышала его сбегающим с лестницы и бросившимся к кругу офицеров, где большая часть из них находилась в это время, крича им тревожным голосом: «Господа, взойдите все, сколько вас тут есть»... Я последовала за ними, но едва поднялась до верха лестницы, как увидела одного офицера, совсем бледного, одежда в беспорядке, который остановил меня, закричав: «Спусти-

тесь вниз, Екатерина Ивановна, ради Бога, спуститесь!» Можете себе представить, в каком я была состоянии, войдя в каюту... В эту минуту показался мой муж... Я бросилась к нему, схватив его за руку и спрашивая его задыхающимся о причине криков и шума, от которых дрожало судно. Тогда с ужасающим спокойствием он сказал: «Оказалась течь в трюме, и опасность велика». «Но мы должны умереть?» — шепнула я чуть слышно. «Я не знаю,— возразил он,— по крайней мере мы сделаем все, что человечески возможно... Господь полон милосердия. Возложим нашу надежду на Него одного». И он поспешно поднялся наверх.

Вы, может быть, усумнитесь, мои милые, но, однако же, клянусь вам, это было так, я вдруг сделалась покойна. Если мое сердце билось так, как будто хотело разорваться, рассудок мой был ясен, и хладнокровие возвратилось... Я оделась очень тепло и сделала сверток из денег, вещей, бумаг, всего, что у нас было более дорогого, захватив также с письменного стола моего мужа часы и другие ценные вещи; взяв сверток в руки, села на складную табуретку и стала ждать. Я не могла ни плакать, ни роптать и как бы окаменела. Прошло несколько минут, и мой муж снова сошел ко мне. Его лицо было менее бледно и тревожно. «Слава Богу! — сказал он,— мы почти уверены, что будем спасены. Море здесь не имеет такой глубины, как раньше, и мы маневрируем, чтобы посадить судно на мель...» Вода начала проникать в каюту, и я вышла на палубу. Там матросы уставляли бочки с порохом и работали над спасением груза и вещей. Офицеры, казаки, даже молодые плачущие женщины одною рукою поддерживали грудных детей, другою, свободною, изо всей силы помогали выкачивать воду. Она доходила нам до лодыжек.

Дети и старухи, ни к чему не способные, в ужасе перебежали с места на место, толкаясь, крича, рыдая и отыскивая убежища от волн, поднимавшихся все выше и выше. Ах, ужасная картина! Всякий думал только о себе, ломая в отчаянии руки, и все лица были искажены смертельным страхом. Мой муж, совершенно меня успокоивший, и я старались поддержать надежду в этих несчастных созданиях... Увы! все было напрасно. Они меня даже не слушали. Между тем были спущены шлюпки, чтобы перевезти нас всех на «Байкал». За мною пришли.

Ах! Друзья мои, когда я увидела эти дикие, отчаянные и с завистью устремленные на меня глаза, сердце мое стеснила невыразимая жалость к этим людям. «Ни за что,— кричала я,— ни за что я не уеду первая. Отвезите этих несчастных. Они боятся, я же знаю, что опасность прошла. Я подожду». Но капитан и офицеры увлекли и почти несли меня, а мой муж сказал повелительно, что всякое мое лишнее слово и всякое сопротивление были потерей времени, могущей стоить кому-нибудь жизни: я покорилась, рыдая⁵...

Мой муж остался на «Шелехове» наблюдать за спасением...

К вечеру все потерпевшие крушение были на палубе «Байкала». Мой муж принял сам команду этого судна, и после усилий многих часов оно могло продолжать свой путь. Но до тех пор, в продолжение всей ночи, толчки от волн заставляли его содрогаться сверху донизу. Вот тогда-то, признаюсь вам, обуял меня ужас...

Петровск. 2 августа 1851 г.

...Первое впечатление, стеснившее сердце, прошло; я придумала средство украсить наше грустное жилище и благодаря коврам и разным безделушкам, взятым с собой, этот бедный угол принял вид некоторого комфорта и порядочности. Увы! моя прекрасная мебель из Охотска была унесена волнами во время крушения, и я со слезами, стоя на палубе «Байкала», видела ее плывущей⁶...

Примечания

Письма Е. И. Невельской публикуются в переводе с французского по изданию: У г л и ч а н и н о в а М. С. Воспоминания воспитанницы Смольного 40-х гг. — М., 1901.

¹ Деревня на берегу Лены. (Примеч. пер.)

² Корсаков М. С. (1826 — 1871) — впоследствии главный правитель Восточной Сибири. (Примеч. ред.)

³ В письме, видимо, описка. Правильно: станция Арылах. (Примеч. ред.)

⁴ Письмо писано в период распространения слухов о серьезных столкновениях местных жителей с русскими колонистами. (Примеч. ред.)

⁵ Вот как говорит знаменитый адмирал в своих записках об этой ужасной минуте: «Наше положение было критическое... Мы понимали отлично, что переменись ветер, и все было бы с нами кончено. Командир брига лейтенант Макцевич, его помощник, совсем юный лейтенант Бошняк, умоляли мою жену оставить скорее палубу и сесть в шлюпку... «Мой муж мне часто говорил, — отвечала моя юная супруга, — что во время крушения командир и офи-

церы оставляли судно последними. Я не оставлю «Шелехова», пока не будет на палубе ни одного ребенка и ни одной женщины. Я прошу вас прежде меня заботиться о них». Ее увлекли силой». (Примеч. пер.)

⁶ Его высочество великий князь Константин Николаевич, узнав, что молодая жена его бывшего начальника и товарища по службе последовала за ним в пустыню, послал г-же Невельской всю мебелировку изящной каюты яхты, в том числе роаяль розового дерева... Судно, на котором был царский подарок, потерпело крушение и утонуло со всем своим грузом. (Примеч. пер.)